

УДК 811.161.1

Ю. Л. Дмитриева

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

Образ дуба как фрагмент биоморфного кода культуры

Аннотация

В статье рассматривается лингвокогнитивный образ дуба, исследуются зафиксированные языковым сознанием средства его вербализации, анализируются полученные в процессе взаимодействия с онтологическим миром его культурологические составляющие и коннотации.

Ключевые слова: образ, лингвокультура, дуб, инвариант, когнитивные признаки, метафорическая модель, код культуры.

В современной лингвистике аксиоматичен тезис Ю. С. Степанова о том, что культура входит в сознание человека в виде неких «сгустков», называемых исследователем концептами. Последние часто эксплицируются как элементы картины мира этноса, однако их описание не даёт ответов на вопросы: как фиксируются и хранятся в языке элементы лингвальной культурной среды, или лингвокультуры. Не подлежит сомнению положение о том, что многие фрагменты лингвокультуры не осознаются представителями этноса, хотя входят в языковое сознание и языковой опыт представителей определённого народа. В. В. Красных отмечает, что такие фрагменты относятся к «глубинному слою культурного пространства» этноса [8, с. 297] и определяет их как коды культуры. Под этим термином принято понимать систему представлений об окружающем мире, преломлённую сквозь призму культуры этноса. Исследованию экспликации кодов культуры языковыми средствами посвящены работы В. В. Красных, В. Н. Телия, Е. А. Селивановой, М. Л. Ковшовой, Г. А. Багаутдиновой и др. Однако существующие теоретические сведения и исследования не дают исчерпывающей информации о зафиксированных в русской лингвокультуре вербальных средствах актуализации лингвокогнитивного образа дуба как фрагмента биоморфного кода культуры, что и обусловило *цель данной статьи*.

Биоморфный код культуры включает представления этноса о животном и растительном мире, а также «о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне» [8, с. 307], т.е. на пересечении «своего» и «чужого» миров. Этот код, по данным В. В. Красных, тесно связан, в первую очередь, с функционирующими в лингвокультуре стереотипами, эталонами и символами. Например, дуб рассматривается как дерево с положительными культурными

коннотациями. В мифологии разных народов он выступает священным деревом. В Древней Греции рос дуб Додоны, в шелесте листьев которого передавалась воля Громовержца Зевса. В роще на озере Неми произрастал дуб, посвящённый Юпитеру. Дубовый венок был символом власти у итальянских правителей. Дубу поклонялись кельты [2, с.78]. «К числу наиболее важных и таинственных, – отмечает О. В. Вовк, – относился обряд срезания с дуба ветви омелы, считавшейся панацеей от всех болезней и несчастий. Этот обряд связан с богом мудрости Белом» [6, с. 123]. Ветви дуба осеняли площадь для суда и веча у древних германцев. Дубобог, или Каши-ма-но-ками, был известен в Древней Японии. Считалось, что ствол дуба служит жилищем для дриад, покровительниц деревьев [2, с. 78]. В Древней Руси дуб считался священным деревом Перуна, бога грома и молнии, и выполнял ряд культовых функций. Как мы указывали в ряде статей, дуб был одним из инвариантов мирового дерева. Славяне верили, что в его кроне обитал царь птиц орёл или птица Кук. В приметах славян дуб соотносится с хозяином дома, а в одном из главных обрядов календарного цикла у южных славян он использовался в качестве бадняка. В ряде легенд и апокрифов рассказывалось о причинах почитания дуба и отнесения его к священным деревьям. Например, в болгарской легенде говорится о том, что дубовая роща укрыла Бога, спасавшегося от Чумы. В благодарность Бог сделал так, чтобы листья дуба опадали лишь поздней осенью. В русской легенде рассказывалось о том, что Иуда хотел повеситься на ветвях дуба, однако дерево преклонилось по повелению Бога и было спасено от позора. В Средневековой Польше существовал обычай сажать дубы в память о важных для народа событиях. Кроме того, дубы считались местом обитания мифологических персонажей, т.е. они находились между «своим» и «чужим» мирами. Существовало предание о парне, которого ведьма забрала на шабаш. Утром он очнулся на вершине дуба. В другом сказе говорилось об оброчном дубе, росшем в окрестностях Кратова, под сенью которого людям являлась нечистая сила в облике животных (как правило, волка или быка) [12, с. 141 – 146].

В русской лингвокультуре, как и во многих других, дуб является символом мощи, крепкости, мудрости и долголетия [6, с. 122]. Эти представления частично отображены в значении словоформы *дуб*: «крупное лиственное дерево с *крепкой древесиной* (выделено нами – Ю. Д.) и плодами-желудями» [10, с. 156]. Представления о крепкости, мощи и долголетию дуба эксплицированы и в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Ср.: (1) *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же гнётся, как в поле трава...* (С. Есенин); (2) *Видят немцы – задрожали дубы столетние* (С. Есенин); (3) *Да осилит дуб душегуб-топор* (Н. Клюев); (4) *Али дубы, матёрые, вечные, / Буреломом как зверем обглоданы?* (Н. Клюев); (5) *Ах ты, дитятко, свет Микулошко, / Как дубравный дуб – ты матёр стоишь*

(Н. Клюев); (б) *Под толстым дубом мы вдвоём стояли, / Широким рукавом твоей руки / Я чуть касался* (М. Кузмин).

В примере (1) *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же гнётся, как в поле трава...* (С. Есенин) представления о крепкости и мощи дерева, объективированные словоформой *дуб*, противопоставляются его возрасту при помощи союзов *но* и *как*. Основным значением союза *но*, согласно В. В. Виноградову, является «резкое, энергичное, логически взвешенное противопоставление или возражение» [5, с. 584]. В данном предложении оно усиливается употреблением частицы *ведь*. Сочетание усилительной и союзной функций позволяет анализируемой частице выражать значение с «ярким экспрессивным колоритом: Но ведь это всем давно известно!» [5, с. 547]. Союз *как* имеет несколько значений: временное, условное и сравнительное. В рассматриваемом примере *дуб* сравнивается с травой. Сравнение усиливается местоименным наречием *так* в значении «именно таким образом, не как-нибудь иначе» [3, с. 1303] в сочетании с частицей *же*, которая употребляется «для подчёркивания полного совпадения с тем, о чём ведётся повествование» [3, с. 301]. Следовательно, используя формулировку расшифровки сравнения А. Вежбицкой [4, с. 145], анализируемый текст интерпретируем так: «Можем сказать, что в противовес давно известному всем факту молодой дуб до первого урожая плодов-желудей по гибкости тождественен траве».

Возраст дерева в тексте (1) *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же гнётся, как в поле трава...* (С. Есенин) эксплицирован лексемами *молодой* и *разжёлудясь*. Адъектив *молодой* в языковом опыте этноса имеет несколько значений. Во-первых, он трактуется как «юный, небольшой по возрасту; не достигший зрелого возраста» [10, с. 308]. Во-вторых, функционирует в значении «недавно начавший расти, существовать» [10, с. 308]. В-третьих, является «свойственным, присущим молодости» [10, с. 308]. Следовательно, в значениях анализируемой словоформы отображено «членение временной оси» [8, с. 303], ведь молодость определяется носителями лингвокультуры как «возраст от отрочества до зрелых лет» [10, с. 308]. Также сочетание *молодой дуб* можем рассматривать как метафорическую модель «человек → растение», областью источника которой является представление о возрасте человека, эксплицированное лексемой *молодой*, а областью цели – растение, номинируемое в анализируемом сочетании лексемой *дуб*. Чтобы сделать структуру метафоры явной, А. Вежбицкая предлагает следующий алгоритм рассуждений: «*Спит земля.* = “(Думаю о земле) – можно сказать, что это не земля, а живое существо, которое спит”» [4, с. 145]. Соответственно, рассматривая сочетание *молодой дуб*, думаем о дубе: можно сказать, что это не дуб, а человек, который не достиг зрелого возраста.

Окказиональное деепричастие *разжёлудясь* называет период «до первого урожая плодов» временной оси дерева. Это зафиксировано в значении данной словоформы, выводимой при анализе морфем. Корень *жёлуд'* имеет значение «плод дуба» [10, с. 165]. Префикс *раз-* употребляется для обозначения «явления в ряду однородных действий, проявлений чего-либо» [7]. Постфикс *-ся (-сь)* трактуется как «слово- и формообразовательная единица, образующая непереходные глаголы как несовершенного, так и совершенного вида» [7] со значением возвратности. Итак, словоформу *разжёлудясь* определяем как «неоднократно повторяющееся действие по образованию плодов дуба». Отрицательная частица *не* выражает значение отсутствия данного действия в момент речи.

Представления о наличии и отсутствии желудей у дуба зафиксированы и в геральдике, где дуб с плодами является символом зрелой силы и могущества, а без них – юной доблести [6, с. 124]. Таким образом, в примере (1) *Но ведь дуб молодой, не разжёлудясь, / Так же жнётся, как в поле трава...* (С. Есенин) взаимодействуют временной и биоморфный коды. Данное взаимодействие объективировано и в тексте (2) *Видят немцы – задрожали дубы столетние* (С. Есенин). Композит *столетние* определяется как «просуществовавший сто лет» [10, с. 668]. В его значении зафиксированы указание на истекший период временной оси дуба и представления о долголетию этого дерева. Также предикативная основа *задрожали дубы* воплощает метафорическую модель «человек → растение», структура которой может быть представлена так: думаем о дубах – можно сказать, что это не дубы, а человек начал дрожать.

В другом примере (3) *Да осилит дуб душегуб-топор* (Н. Клюев) представления о крепкости и мощи дерева объективируют как словоформа *дуб*, в значении которой он зафиксирован, так и глагол *осилить*. В его значении воплощена сема «одолеть»: «Осилить – 1) одержать верх в борьбе, схватке, битве; побороть, одолеть; 2) справиться с чем-либо, требующим физических, умственных и т.п. усилий» [3, с. 729]. Следовательно, в рассматриваемом тексте крепкость древесины дуба противопоставляется крепкости материала, из которого произведён топор.

Отметим, что в данном предложении выражается также побудительность и волеизлияние говорящего при помощи препозитивной частицы *да*, которая употребляется с глаголами настоящего и будущего времени 3-го лица в значении «приказания или желательности чего-нибудь» [5, с. 552]. Таким образом выражается положительное отношение адресанта к дубу, а также эксплицируется закреплённое в русской лингвокультуре отрицательное отношение к уничтожению дуба.

Считалось, что это дерево нельзя рубить, т.к. это принесёт несчастье. Согласно легенде, записанной в районе Минска, давным-давно на заветной поляне рос стародавний дуб

больших размеров. Если его кто-нибудь решался рубить, то с ним случалось несчастье. Однако, несмотря на это, владелец тех земель приказал срубить дерево. Его распоряжение было исполнено, но, падая, дуб раздавил всех, кто его рубил. Целую неделю после этого в округе длилась страшная буря, принёсшая немало бед [9, с. 69]. В Македонии верили, что если унести ветку от старого дуба домой, то дом сгорит или умрёт кто-нибудь из семьи. Поляки и белорусы считали, что при срубании старого дуба, он плачет кровавыми слезами и это может повлечь эпидемию. Аналогичные поверья были распространены и в Болгарии [12, с. 142].

Соответственно, использование побудительной частицы *да* в примере (3) *Да осилит дуб душегуб-топор* (Н. Клюев) можем квалифицировать как стремление избежать несчастья.

Представления о долголетию дуба объективированы лексемами *матёрый* и *вечный* в тексте (4) *Али дубы, матёрые, вечные, / Буреломом как зверем обглоданы?* (Н. Клюев). Словоформа *вечный*, т.е. «бесконечный, сохраняющийся на многие века, не перестающий существовать» [10, с. 67], эксплицирует временной код. В её значении воплощены представления о бесконечном развёртывании временной оси. Дуб может рассматриваться как вечное дерево, поскольку лежит в плоскости пересечения «своего» и «чужого» миров, принадлежа равно обоим, а также являясь инвариантом мирового дерева славян. Адъектив *матёрый* обозначает «достигший полной зрелости (о животных)» [3, с. 525], т.е. эксплицирует представления о наступающем после юности периоде временной оси дерева. Сочетание *матёрые дубы* объективирует метафорическую модель «животное → растение», область источника которой выражена словоформой *матёрые*, а область цели – лексемой *дубы*.

Аналогично выражены представления о долголетию дерева в примере (5) *Ах ты, дитятко, свет Микулошко, / Как дубравный дуб – ты матёр стоишь* (Н. Клюев). Лексема *матёрый* объективирует временной код, а словоформа *дубравный* выражает биоморфный код. В её значении зафиксирована отнесенность к дубраве, т.е. дубовому лесу [13, стлб. 1149]. Отметим, что в примере при помощи обращения и конструкции с союзом *как* реализована метафорическая модель «растение → человек». Область источника модели объективирована конструкцией *как дубравный дуб*, а область источника выражена обращением *дитятко, свет Микулошко*. Эксплицируя скрытую структуру метафорического сравнения, думаем о человеке – можно сказать, что это не дубравный дуб, а человек. Также в тексте при помощи лексем *дитятко* и *матёрый* воплощён временной код. Словоформа *дитятко* квалифицируется как употребляющаяся обычно в обращении к маленькому ребёнку, а также в ироническом обращении ко взрослому [10, с. 143]. В её значении реализовано представление о юном периоде временной оси человека, в то время как в значении лексемы

матёрый воплощена сема «достигший зрелости» [10, с. 294], т.е. следующий этап взросления и движения по временной оси.

Сопоставление человека с дубом в примере (5) *Ах ты, дитяtko, свет Микулошко, / Как дубравный дуб – ты матёр стоишь* (Н. Клюев) объективирует представления о дубе как о мужском дереве, а также возможность его соотнесения с мужчиной. «В верованиях, практической магии и фольклоре, – пишет Н. И. Толстой, – дуб последовательно выступает как мужской символ» [12, с. 144]. Он моделирует рождение, развитие, рост ребёнка. Следовательно, дуб тесно связан с жизнью человека. В анализируемом примере эта связь реализована временным, антропоморфным и биоморфным кодами, объективированными при помощи лексических и синтаксических средств выразительности.

В тексте (6) *Под толстым дубом мы вдвоём стояли, / Широким рукавом твоей руки / Я чуть касался* (М. Кузмин) представления о крепкости дуба выражены при помощи словоформы *толстый*, т.е. «большой, значительный в объёме, охвате, поперечнике» [3, с. 1329]. Такое описание дерева одно из свидетельств крепкости его древесины, поскольку большой охват является имплицитным указанием на возраст растения, а также его способность оказывать противодействие природным стихийным явлениям (например, сильному ветру или буре). Соответственно, адектив *толстый* можем рассматривать как экспликацию временного кода и объективацию когнитивного признака «возраст дерева». Также этот вербальный знак эксплицирует символическое значение мощи дуба, основанное на семеме «большой в поперечнике» [10, с. 695] и вхождении адектива в синонимический ряд словоформы *мощный* [1, с. 214].

Кроме того, в тексте (6) *Под толстым дубом мы вдвоём стояли, / Широким рукавом твоей руки / Я чуть касался* (М. Кузмин) актуализирован когнитивный параметр «место встречи»: предложно-падежная конструкция *под дубом* выражает определительное значение творительного падежа. Оно «предстаёт в самых разнообразных, иногда очень далёких друг от друга частных значениях; это может быть определение [...] по разнообразным обстоятельствам: по отнесенности к месту или времени» [11, с. 476]. Соответственно, дуб является ориентиром для встречи и времяпрепровождения, на что указывает лексема *стояли* («находиться в вертикальном положении, не передвигаясь» [10, с. 670]). У славян существовал обычай венчания¹ у дуба как одного из священных деревьев. «Если родители не давали согласия на брак, – пишет Е. Е. Левкиевская, – парень с девушкой садились на лошадь, отправлялись к заветному дубу, объезжали его кругом три раза, и брак считался заключённым» [9, с. 71]. Эти представления частично отображены в анализируемом тексте, поскольку в нём нет указания на цель встречи у дуба.

¹ Позже он практиковался старообрядцами.

Добавим, что предложно-падежная конструкция *под дубом* объективирует не только когнитивный параметр «место встречи», но и характеристику «место произрастания». Это воплощено, например, в тексте М. Кузмина *И сели под дубом мы в тень у дома* (М. Кузмин), где признак «место произрастания» объективирован предложно-падежной конструкцией *у дома*. Предлог *у*, употребляясь с родительным падежом имени существительного, выражает значение «в непосредственной близости от кого-, чего-либо; возле, около» [3, с. 1361]. Лексема *дом* определяется как «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» [3, с. 272]. Когнитивный параметр «место произрастания» в текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина эксплицирован вербальными знаками *Маврикийский, ледовитый, холм*. Ср.: (1) *Под Маврикийским дубом / Сидит мой рыжий дед* (С. Есенин); (2) *Стремится к полюсу, где льдов седая лень, / Где ледовитый дуб возносит сполох-сень, / И эскимоска-ночь укачивает день* (Н. Клюев); (3) *Виднелся холм, венцом дубов венчан* (М. Кузмин).

В примере (1) *Под Маврикийским дубом / Сидит мой рыжий дед* (С. Есенин) анализируемый параметр эксплицирован адъективом *Маврикийский*, написание которого с прописной буквы указывает на то, что это оним. Поиск при помощи поисковой системы Google дал 118 000 результатов, связанных с островным государством Маврикийей. Аналогичны результаты поиска в Национальном корпусе русского языка. Соответственно, лексему *Маврикийский* интерпретируем как «свойственный или произрастающий в Маврикии».

В другом примере (2) *Стремится к полюсу, где льдов седая лень, / Где ледовитый дуб возносит сполох-сень, / И эскимоска-ночь укачивает день* (Н. Клюев) рассматриваемый параметр объективирован адъективом *ледовитый*, т.е. «обильный льдом, покрытый льдом» [14, стлб. 123]. Также словоформа *ледовитый* входит в устойчивое словосочетание *ледовитый ветер* со значением «северный, холодный». Следовательно, словосочетание *ледовитый дуб* образовано по аналогии с приведённым устойчивым сочетанием со значением «северное дерево». В рассматриваемом сочетании реализована метафорическая модель «свойство стихии → растение», область источника которой выражена именем прилагательным *ледовитый*, а область цели объективирована именем существительным *дуб*. Кроме того, образ дуба входит в образный ландшафт Арктики, описываемый однородными предикативными частями сложноподчинённого предложения *где льдов седая лень, где ледовитый дуб возносит сполох-сень, и эскимоска-ночь укачивает день*. Указание на Арктику содержится в значениях слов *полюс* и *эскимоска*. Ср.: «Полюс – точка пересечения воображаемой оси вращения Земли с земной поверхностью» [3, с. 912]; «Эскимосы – народ, живущий на побережье Чукотского полуострова в России, на арктическом побережье

Северной Америки и в Гренландии; представители этого народа. <Эскимос, -а; Эскимоска, -и>» [3, с. 1525].

В тексте (3) *Виднелся холм, венцом дубов венчан* (М. Кузмин) рассматриваемый когнитивный параметр «место произрастания» объективирован лексемой *холм*, которая имеет значение «небольшая отлогая горка, возвышенность округлой или овальной формы с пологими склонами» [3, с. 1450]. Таким образом, в языковом опыте носителей русской лингвокультуры С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина объективированы такие когнитивные параметры образа дуба, как крепкость его древесины, запрет на вырубку этого дерева, произрастание возле домов людей и вдали от обжитых мест.

Итак, образ дуба является фрагментом биоморфного кода культуры и характеризуется положительными коннотациями. В языке русской поэзии XX в. – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина – отображена система представлений о символических функциях дуба, его эталонных качествах. К их числу относим 1) возможность произрастания как в дикой, так и в ассимилированной человеком природе; 2) систему запретов на нанесение вреда дереву; 3) принадлежность к пограничному локусу; 4) выполнение ключевой роли в календарно-обрядовом цикле.

Литература

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник : Ок. 11 000 синоним. рядов / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн ; Пер. с нем. ; Общ. ред и предисл. И. С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с., илл.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
4. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая. // Теория метафоры : Сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 133 – 152.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; Под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
6. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа к словарю: <http://www.efremova.info>

8. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
9. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. / Е. Е. Левкиевская. – М. : АСТ : Астрель ; Владимир : ВКТ, 2010. – 526 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
11. Русская грамматика. В 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 792 с.
12. Славянские древности: Этнолингвистический словарь [в 5-ти т.]. Т. 2 : Д – К (Кошки) ; Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 1999 – 680 с.
13. Словарь современного русского литературного языка : [в 17-ти т.]. Т. 3 : Г – Е. – М. – Л. : Наука, 1954. – 700 с.
14. Словарь современного русского литературного языка : [в 17-ти т.]. Т. 6 : Л – М. – М.–Л. : Наука, 1957. – 739 с.

Авторская справка

Дмитриева Юлия Леонидовна.

Преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков.

Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков», факультет славистики, кафедра общего языкознания и славянских языков.

Научные интересы: лингвокогнитология, лингвокультурология и этнолингвистика.

Авторська довідка

Дмитрієва Юлія Леонідівна.

Викладач кафедри загального мовознавства та слов'янських мов.

Освітня організація вищої професійної освіти «Горлівський інститут іноземних мов», факультет славистики, кафедра загального мовознавства та слов'янських мов.

Наукові інтереси: когнітивна лінгвістика, лінгвокультуро́логія, етнолінгвістика.

Анотація. У статті розглянуто лінгвокогнітивний образ дубу, досліджені зафіксовані мовною свідомістю С. Єсеніна, М. Ключова та М. Кузміна засоби його вербалізації, проаналізовано отримані в процесі взаємодії з онтологічним світом культурні елементи та конотації даного образу. Автор у якості висновку пропонує домінуючі когнітивні ознаки образу дубу.

Ключові слова: образ, лінгвокультура, дуб, інваріант, когнітивні ознаки, метафорична модель, код культури.

Author's reference

Dmutrieva Julia Leonidovna.

Lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages.

The educational organization of higher professional education "Gorlovka Institute of Foreign Languages", the Faculty of Slavic Studies, the Department of General Linguistics and Slavic Languages.

Scientific interests: lingvokognitologiya, lingvokulturologiya and ethnolinguistics.

Abstract. The article deals with the linguistic and cognitive image of the oak, the means of verbalization fixed by the speech consciousness of S. Esenin, M. Kluev and M. Kuzmin are investigated, the cultural elements and connotations of this image obtained in the process of interaction with the ontological world are analyzed. The author suggests dominant cognitive signs of an oak image as a conclusion, as well as emphasizes the positive connotations embodied in the linguistic culture of the Russian ethnos.

Keywords: image, lingual-culture, oak, invariant, cognitive signs, metaphorical model, code of culture.